



Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
17 August 2016
Russian
Original: Spanish

Комитет по правам человека

Решение Комитета по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом в отношении сообщения № 2399/2014* **

<i>Представлено:</i>	К.Л.К.Д., В.Ф.К. и А.Ф.К. (представлены Густаво Гальоном Хиральдо и Федерико Андреу Гусманом, Колумбийская комиссия юристов)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	авторы сообщения и их покойный супруг и отец А.Ф.Д.
<i>Государство-участник:</i>	Колумбия
<i>Дата сообщения:</i>	8 ноября 2013 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение Специального докладчика, принятое в соответствии с правилами 92 и 97 правил процедуры и препровожденное государству-участнику 28 мая 2014 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	30 марта 2016 года
<i>Тема сообщения:</i>	внесудебная казнь члена организации «Движение 19 апреля» (М-19)
<i>Вопросы существа:</i>	право на жизнь; запрет на пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; право на свободу

* Принято Комитетом на его 116-й сессии (7–31 марта 2016 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Ядх Бен Ашур, Лазари Бузид, Константин Вардзелашвили, Марго Ватервал, Ивана Елич, Аня Зайберт-Фор, Юдзи Ивасава, Сара Кливленд, Дункан Мухумуза Лаки, Фотини Пазарцис, сэр Найджел Родли, Виктор Мануэль Родригес-Ресия, Фабиан Омар Сальвиоли, Дируджлал Б. Ситулсингх, Ахмед Амин Фаталла, Оливье де Фрувиль и Юваль Шани.

GE.16-11906 (R) 251116 281116



* 1 6 1 1 9 0 6 *

Просьба отправить на вторичную переработку



и личную неприкосновенность; право каждого человека свободно выбирать местожительство; право на защиту от произвольного или незаконного вмешательства в семейную жизнь и от посягательств на неприкосновенность жилища; право на защиту ребенка; право на эффективные средства правовой защиты

<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; злоупотребление правом на представление сообщений
<i>Статьи Пакта:</i>	2 (пункт 3); 6 (пункт 1); 7; 9 (пункт 1); 12 (пункт 1); 17 и 24
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	3; и 5 (пункт 2 b))

1.1 Авторами сообщения являются К.Л.К.Д., гражданка Колумбии и Испании, В.Ф.К., гражданка Колумбии, и А.Ф.К., гражданка Колумбии и Франции, родившиеся 21 февраля 1947 года, 28 августа 1976 года и 25 июня 1978 года соответственно. Они представляют сообщение от собственного имени и от имени А.Ф.Д. (супруга К.Л.К.Д. и отца В.Ф.К. и А.Ф.К.), также гражданина Колумбии, родившегося 24 июля 1946 года. Авторы утверждают, что государство-участник нарушило права А.Ф.Д., закрепленные в пункте 1 статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах; права авторов согласно статье 7, пункту 1 статьи 9, пункту 1 статьи 12, статье 17 и пункту 3 статьи 2 Пакта; а также права В.Ф.К. и А.Ф.К. согласно статье 24 Пакта¹. Авторы представлены адвокатом.

1.2 25 августа 2015 года Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, принял решение рассматривать вопрос о приемлемости отдельно от существа сообщения в соответствии с правилом 97 правил процедуры Комитета.

Факты в изложении авторов

2.1 А.Ф.Д. был одним из основателей «Движения 19 апреля» (М-19), занимая в нем руководящие должности. Авторы заявляют, что сотни человек, подозревавшихся в том, что они входили в состав М-19 или сочувствовали его идеям, подвергались преследованию и аресту со стороны армии; что в этой связи А.Ф.Д. был задержан в Боготе 27 октября 1979 года и в течение нескольких дней военные применяли к нему пытки; а также что впоследствии он был передан в распоряжение военного трибунала и предстал перед военно-полевым судом.

2.2 В связи с проводившимися властями арестами родственников членов М-19 К.Л.К.Д. была вынуждена изменить личные данные В.Ф.К. и А.Ф.К. – на тот момент несовершеннолетних, – с тем чтобы защитить их и обеспечить им безопасность и личную неприкосновенность. Обе девочки были зарегистрированы как уроженки Кали и дочери В.Ф., брата А.Ф.Д. Авторы заявляют, что из-

¹ Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 23 марта 1976 года.

за ареста их родственника и суда над ним им пришлось выехать из Колумбии и направиться в Панаму, чтобы сохранить свою жизнь и личную неприкосновенность.

2.3 В июне 1982 года А.Ф.Д. был приговорен к тюремному заключению сроком на 26 лет. Тем не менее в декабре того же года Верховный суд Боготы освободил его на основании Закона № 35 от 19 ноября 1982 года, в котором была объявлена амнистия и были установлены нормы, направленные на восстановление и сохранение мира.

2.4 В 1985 году авторы вернулись в государство-участник. Из-за постоянных преследований и прослушивания телефонных разговоров в декабре 1985 года они вновь покинули Колумбию, с тем чтобы сохранить себе жизнь.

2.5 В 1986 году А.Ф.Д., совместно с другими членами М-19, устанавливал контакты с властями, стремясь к заключению нового мирного соглашения. Во время этих контактов несколько лидеров М-19 были схвачены и казнены. 13 марта 1986 года он находился в квартире известного композитора Р.Р.П. в центре Боготы. Авторы заявляют, что, по словам свидетелей, члены Группы специальных операций (ГСО) Национальной полиции силой ворвались в дом и выстрелили в их родственника, а затем в супругу Р.Р.П., убив их. В связи со случившимся и из-за страха преследований со стороны властей авторы решили не возвращаться в Колумбию и выбрали своим местом жительства Мексику.

2.6 Суд № 75 по уголовным делам (суд № 75) начал предварительное расследование. Авторы утверждают, что результаты следственных мероприятий, проведенных судом № 75, в частности сбора свидетельских показаний, обследования места преступления, осмотра трупов и судебно-медицинской экспертизы, указывали на то, что А.Ф.Д. и супруга Р.Р.П. были казнены членами ГСО во внесудебном порядке; что целью операции был не арест их родственника, а его убийство; и что, таким образом, ответственность за нее лежит на сотрудниках полиции и военных.

2.7 15 марта 1986 года военный суд № 78 по уголовным делам (военный суд) начал параллельное предварительное расследование тех же фактов.

2.8 Кроме того, 22 мая 1986 года Р.Р.П. подал Президенту Республики жалобу в связи с гибелью своей супруги. 8 июля 1986 года Генеральная прокуратура, действуя через свое Управление по делам Национальной полиции, начала предварительное следствие, а впоследствии – «дисциплинарную проверку» по факту «предполагаемой неправомерности насильственных действий, в результате которых погибла» супруга Р.Р.П., причем в это разбирательство была также включена смерть родственника авторов. Со своей стороны, Главное управление Национальной полиции начало процесс, названный «внутреннее дисциплинарное дознание», по тем же фактам. Тем не менее 21 июля 1986 года дело было закрыто после заключения о том, что операция разворачивалась в соответствии с «нормативно-правовыми положениями, которыми руководствуется система полиции». 29 декабря 1986 года Управление по делам Национальной полиции постановило закрыть дисциплинарную проверку на основании решения о закрытии внутреннего дисциплинарного дознания, принятого Национальной полицией, сославшись на принцип *non bis in idem*.

2.9 4 марта 1987 года военный суд завершил расследование. 24 марта 1987 года бригадный генерал, начальник департамента полиции столичного округа Боготы, выступая в качестве судьи первой инстанции, вынес решение и заявил, что указанные смерти не дают оснований для вызова в военно-полевой суд одного старшего лейтенанта, двух младших лейтенантов и двух сотрудников полиции.

Таким образом, он распорядился о прекращении разбирательства в отношении этих лиц. 8 июня 1987 года Высший военный суд подтвердил решение суда первой инстанции.

2.10 В 1988–1989 годах правительство государства-участника начало переговоры с М-19 и Армией народного освобождения (АНО). Авторы заявляют, что вооруженные силы противились переговорному процессу и что несколько членов М-19 и АНО стали жертвами пыток, пропали без вести или погибли в результате действий армии и полиции. Другим членам этих организаций удалось покинуть страну в поисках убежища за рубежом. В августе 1989 года один из бывших полицейских заявил Генеральному прокурору, что сотрудники Национальной полиции совершили множество преступлений, среди которых убийство родственника авторов; и что батальон армейской разведки и контрразведки ведет расследование и преследует нескольких человек, в частности адвоката Х.Е.У.М., который был его законным представителем и занимался защитой их родственника и других членов М-19 в военно-полевом суде. Тем не менее Генеральная прокуратура не приняла никаких мер для повторного открытия дела А.Ф.Д. по собственной инициативе.

2.11 В ноябре 1989 года К.Л.К.Д. прибыла в Колумбию, с тем чтобы присутствовать на похоронах своего отца. В декабре того же года В.Ф.К. и А.Ф.К. также вернулись в государство-участник для воссоединения с матерью и проживания с ней в Боготе, где они окончили среднюю школу и университет. К.Л.К.Д. столкнулась с множеством трудностей при поиске работы, поскольку являлась вдовой бывшего командующего М-19, а в стране велись преследования тех, кто сражался в рядах М-19 или имел какую-либо связь с этой организацией.

2.12 В честь мирного соглашения, подписанного с правительством 11 марта 1990 года, М-19 демобилизовалось и образовало законную политическую партию «Демократический альянс М-19» (ДА-М19). Несмотря на это, члены данной организации и сочувствующие ее идеям продолжали становиться жертвами преследований и преступлений. Так, кандидат от ДА-М19 на президентских выборах и бывший командующий М-19 К.П.Л. был убит 26 апреля 1990 года.

2.13 14 мая 1992 года административный суд Кундинамарки вынес решение по иску о прямом возмещении ущерба, предъявленному к государству Р.Р.П. и его сыновьями, и обязал государство выплатить Р.Р.П. и его сыновьям соответствующую компенсацию. Данное постановление подтвердил Государственный совет.

2.14 Авторы утверждают, что 18 апреля 1998 года сотрудники службы военной разведки убили адвоката Х.Е.У.М. в его бюро в Боготе.

2.15 Начиная с 2000 года, К.Л.К.Д. участвовала в качестве основателя в работе неправительственной организации «Коллектив женщин – бывших комбатантов», созданной группой женщин из числа бывших комбатантов М-19 и других организаций, подписавших мирные соглашения с правительством.

2.16 В 2000 году из-за угроз в адрес семьи В.Ф.К. уехала во Францию, где получила статус беженца. В 2001 году А.Ф.К. покинула Колумбию с целью проживания во Франции. На момент представления сообщения Комитету обе проживали во Франции. Авторы заявляют, что в 2002 году и в течение первых месяцев 2003 года К.Л.К.Д. получала угрозы, подвергалась преследованиям и становилась объектом наблюдения со стороны неустановленных лиц, а ее домашний телефон прослушивался; что 11 сентября 2002 года, пока К.Л.К.Д. находилась за пределами Боготы, неизвестные лица вторглись в ее квартиру и похити-

ли ее компьютер, фотоснимки, ее паспорт и паспорт ее двух дочерей; и что мотивом вторжения было не ограбление. К.Л.К.Д. заявила об этих фактах в уголовную полицию Боготы и довела их до сведения Президентской программы по вопросам прав человека и международного гуманитарного права. Эти события совпали с направлением Колумбийской комиссией юристов ходатайства в Генеральную прокуратуру о доступе к копиям документов дисциплинарного расследования, проводившегося в связи с убийством А.Ф.Д.

2.17 Из-за неспособности властей гарантировать ее безопасность и неприкосновенность в октябре 2003 года К.Л.К.Д. уехала в Испанию, где получила вид на жительство в силу исключительных обстоятельств, по причинам, связанным с безопасностью. К.Л.К.Д. проживала в Испании до 2009 года. Пожив в Мексике, в 2011 году она вернулась в Колумбию, где проживает в настоящее время.

2.18 10 июня 2011 года Конгресс Республики издал Закон № 1448, в котором предусматриваются меры помощи, содействия и полного возмещения ущерба жертвам внутреннего вооруженного конфликта, а также закрепляются другие положения («закон о жертвах и возвращении земель»). Авторы указывают, что в целом данный закон устанавливает, что жертвами считаются «лица, которые в индивидуальном или коллективном порядке понесли ущерб в ходе событий, происходивших начиная с 1 января 1985 года, вследствие нарушений международного гуманитарного права или грубых и явных нарушений международных норм прав человека, совершавшихся в условиях внутреннего вооруженного конфликта». Тем не менее закон намеренно исключает из определения жертвы «членов незаконных организованных вооруженных групп» и членов их семей «как косвенных жертв ущерба, понесенного членами этих групп».

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что государство-участник нарушило права их родственника согласно пункту 1 статьи 6; а также их собственные права согласно статье 7, пункту 1 статьи 9, пункту 1 статьи 12, статье 17 и пункту 3 статьи 2 Пакта и права В.Ф.К. и А.Ф.К. согласно статье 24 Пакта.

3.2 Авторы, ссылаясь на решения административного суда Кундинамарки и Государственного совета, заявляют, что гибель их родственника от рук членов ГСО была спланированной акцией государственных агентов, которая представляет собой произвольное лишение жизни в нарушение пункта 1 статьи 6 Пакта. Несмотря на то, что лишение лица жизни государственными властями имеет высшую степень тяжести и по нему должно быть проведено эффективное расследование, в случае их родственника следствием занималось учреждение, замешанное в преступлении, ОУП Боготы; а разбирательство военного суда по уголовным делам не было ориентировано ни на выяснение обстоятельств дела, ни на выявление и привлечение к ответственности виновных. Они заявляют, что рассмотрение дел о грубых нарушениях прав человека, таких как внесудебные казни, не входит в компетенцию военных трибуналов и что подобные преступления должны расследоваться и рассматриваться в рамках общей юрисдикции².

² Авторы ссылаются на заключительные замечания Комитета по правам человека по третьему периодическому докладу Колумбии (CCPR/C/79/Add.2, пункты 5 и 6) и на проект принципов отправления правосудия военными трибуналами, разработанный Специальным докладчиком Подкомиссии по поощрению и защите прав человека Эммануэлем Деко (E/CN.4/2006/58).

3.3 Авторы заявляют, что отсутствие ясности по поводу обстоятельств гибели их родственника и определения уголовной ответственности виновных, а также тот факт, что его внесудебная казнь осталась безнаказанной, причиняют им жестокие страдания, что нарушает их права согласно статье 7 Пакта.

3.4 Что касается пункта 1 статьи 9 Пакта, то авторы заявляют, что государство-участник не приняло меры для обеспечения их неприкосновенности и безопасности, вследствие чего им пришлось покинуть страну³. Они добавляют, что, хотя во время второго изгнания К.Л.К.Д. Программа Президента Республики по вопросам прав человека и международного гуманитарного права и Группа защиты Управления по правам человека Министерства внутренних дел и юстиции поддерживали ее ходатайство перед Испанией, это не освобождает государство-участника от ответственности за выполнение обязательства по обеспечению их прав на личную безопасность и на проживание в собственной стране. Напротив, это указывает на его неспособность защитить данные права.

3.5 Государство-участник нарушило права авторов согласно статьям 12 и 17 Пакта. Отсутствие личной безопасности с 1979 года, и особенно после гибели их родственника, вынуждало их принимать различные меры для того, чтобы избежать преследований. В.Ф.К. и А.Ф.К. пришлось сменить личные данные, и авторы были несколько раз поставлены перед необходимостью подолгу жить за границей против своей воли.

3.6 На момент гибели отца В.Ф.К. и А.Ф.К. было соответственно девять и семь лет. Тем не менее государство-участник не приняло никаких особых мер для защиты несовершеннолетних в нарушение пункта 1 статьи 24 Пакта.

3.7 Власти не провели продуктивного расследования гибели их родственника, и авторы не имели доступа к эффективным средствам правовой защиты ни для того, чтобы прояснить обстоятельства его кончины, ни для того, чтобы защитить собственные права согласно статье 7, пункту 1 статьи 9, пункту 1 статьи 12 и статьям 17 и 24, в нарушение пункта 3 статьи 2 Пакта.

3.8 Авторы заявляют, что не имели доступа к эффективным средствам правовой защиты. Во время описываемых событий уголовно-процессуальное законодательство, регулировавшее судопроизводство в гражданских судах (Указ № 409 от 3 мая 1971 года и Закон № 2 от 21 января 1982 года), позволяло подавать гражданский иск с момента начала процесса, но не на этапе предварительного расследования или предварительного следствия. Последующие уголовно-процессуальные кодексы (Указ № 050 от 1987 года, Указ № 2700 от 30 ноября 1991 года и Закон № 600 от 2000 года) также не разрешали подавать гражданский иск на предварительном этапе уголовного судопроизводства. Это ограничение было снято Конституционным судом в апреле 2002 года. Следовательно, в соответствии с процессуальным законодательством, действовавшим до 2002 года, авторы не могли подать гражданский иск на предварительном этапе уголовного разбирательства, что позволило бы им отменить производство в военном суде по уголовным делам в силу столкновения компетенций. С другой стороны, авторы не могли подать гражданский иск в ходе процесса, который вел военный суд, поскольку действовавший на тот момент Военно-уголовный кодекс 1958 года предусматривал подачу гражданского иска жертвами или их правопреемниками только во время разбирательства по делам об общеуголовных

³ Авторы ссылаются на судебную практику Комитета в отношении сообщений № 859/1999, *Хименес Вака против Колумбии*, Соображения приняты 25 марта 2002 года; и № 195/1985, *Дельгадо Паес против Колумбии*, Соображения приняты 12 июля 1990 года.

преступлениях, запрещая это в случае рассмотрения дел о строго военных преступлениях; а судебная практика Высшего военного суда и других военных органов по уголовным делам исключала возможность подачи гражданского иска, когда речь шла об общеуголовных преступлениях, совершенных на службе. Кроме того, военный суд по уголовным делам в любом случае не может считаться эффективным средством правовой защиты. Наконец, они утверждают, что, проживая за границей по причинам, связанным с безопасностью, они не могли подать соответствующие иски к государству о возмещении ущерба в суд по административным делам, поскольку в соответствии с Административным кодексом срок подачи исков о прямом возмещении ущерба составляет два года с момента событий.

3.9 Авторы утверждают, что в действительности они были лишены возможности представить свое сообщение Комитету раньше по причинам, связанным с безопасностью. Они заявляют, что Факультативный протокол не устанавливает сроков представления сообщений и что время, истекшее с момента соответствующих событий до момента представления сообщения, само по себе не является препятствием к принятию Комитетом решения по существу дела, представленного ему на рассмотрение⁴. В настоящем деле присутствуют исключительные обстоятельства, которые придают ему особый характер из-за занимаемой их родственником позиции члена и лидера движения М-19, рассматривавшегося вооруженными силами как вооруженная группа, которую необходимо уничтожить. Они добавляют, что годы после гибели А.Ф.Д. характеризовались убийствами и насильственными исчезновениями членов М-19, а также обстановкой террора для их семей; и что многим пришлось отправиться в изгнание. Они напоминают об обстановке массовых нарушений прав человека и полной безнаказанности⁵, царившей на протяжении 1990-х годов; а также о фактах преследований должностных лиц, расследовавших грубые нарушения прав человека, совершенные в отношении членов и/или бывших членов М-19. Аналогичным образом адвокаты жертв нарушений прав человека были объектами преследования, а в некоторых случаях и убийств, как это случилось с их юрисконсультом Х.Е.У.М. В данном контексте К.Л.К.Д. имела веские и справедливые основания полагать, что любой иск против государства-участника, поданный ею в международные органы, может поставить под угрозу как ее жизнь и неприкосновенность, так и жизнь и неприкосновенность ее двух дочерей. В 1989–2003 годах, когда они проживали в государстве-участнике, естественным приоритетом семьи было выживание, а не судопроизводство, которое могло бы вновь подвергнуть их опасности. Несмотря на это, они были жертвами преследований и угроз, из-за которых им снова пришлось покинуть страну.

⁴ Авторы ссылаются на судебную практику Комитета в отношении сообщений № 1618/2007, *Бричта против Чешской Республики*, решение принято 27 октября 2009 года, пункт 6.3; № 1623/2007, *Герра де ла Эсприэлья против Колумбии*, Соображения приняты 18 марта 2010 года, пункт 8.3; и № 1479/2006, *Персан против Чешской Республики*, Соображения приняты 24 марта 2009 года, пункт 6.3.

⁵ Авторы ссылаются на заключительные замечания Комитета по правам человека по четвертому периодическому докладу Колумбии (CCPR/C/79/Add.76, пункты 15 и 18); на доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (E/CN.4/1998/16, пункт 172); на доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов о его миссии в Колумбию (E/CN.4/1998/39/Add.2, пункты 26 и 27); на доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, касающийся Отделения в Колумбии (E/CN.4/1999/8, пункт 150); и на третий доклад ОАГ о положении в области прав человека в Колумбии (ОЕА/Ser.L/V/II.102, Doc. 9 rev. 1).

Наконец, вернувшись в государство-участник в 2011 году и услышав заявления правительства о поощрении законодательства, направленного на оказание поддержки жертвам вооруженного конфликта, К.Л.К.Д. надеялась установить истину, совершить правосудие и получить компенсацию за гибель своего супруга и нарушения ее прав. Однако закон в конце концов лишил ее этой возможности.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 17 февраля 2015 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости сообщения. Оно утверждает, что сообщение является неприемлемым по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, которое представляет собой злоупотребление правом на подачу сообщения, и что оно очевидно необоснованно.

4.2 Государство-участник утверждает, что сообщение отражает коренное несогласие авторов с итогами постановлений, вынесенных национальными судами в отношении гибели их родственника; и что оно направлено на то, чтобы Комитет взял на себя роль апелляционной инстанции (четвертой инстанции) в целях оспаривания судебной процедуры, проведенной военным судом по уголовным делам. Однако в компетенцию Комитета не входит пересмотр судебных решений законно созданных и закрепленных в Конституции внутренних судов, а также оценка фактов, доказательств и направлений расследования дела, рассматривавшегося внутренними судами.

4.3 Сообщение авторов представляет собой злоупотребление правом на подачу сообщений. Хотя Факультативный протокол не устанавливает сроков представления сообщений Комитету, как это происходит в региональных органах по правам человека, в силу своей судебной практики Комитет рассмотрел несколько сообщений, неприемлемых по причине злоупотребления правом на представление сообщений ввиду периода времени, прошедшего между имевшими место событиями и представлением дела Комитету.

4.4 В случае авторов в течение по меньшей мере двух десятилетий не существовало никаких препятствий, мешавших им представить сообщение Комитету. Несмотря на то, что в определенный момент могли существовать исключительные обстоятельства, мешавшие им обратиться в Комитет, они закончились приблизительно в 1989 году, когда авторы вернулись в государство-участник и обосновались в Боготе. Даже если, как утверждают авторы, у них не было возможности представить сообщение, К.Л.К.Д. вновь поселилась в государстве-участнике в 2011 году; тем не менее она представила сообщение 8 ноября 2013 года. С другой стороны, государство-участник утверждает, что авторы также злоупотребляют своим правом на представление сообщений, намеренно давая ложную или искаженную информацию. Так, например, они заявляют, что страдали от «обстановки всеобщих преследований», которая мешала им проживать в государстве-участнике и использовать необходимые средства правовой защиты. Однако этому противоречит тот факт, что В.Ф.К. и А.Ф.К. смогли абсолютно нормально закончить курс как основного, так и профессионального образования, а К.Л.К.Д. занималась социально заметной публичной деятельностью, такой как ее участие – в качестве основателя – в работе неправительственной организации «Коллектив женщин – бывших комбатантов». Если бы К.Л.К.Д. считала, что ее жизни угрожает опасность, то она бы не возглавила эту организацию, в состав которой вошли, в частности, женщины – бывшие комбатанты М-19 и других формирований. Напротив, упомянутая организация пользовалась широкой свободой действий. Наконец, процесс мирного урегулирования с М-19 успешно завершился 9 марта 1990 года подписанием мирного со-

глашения. В результате этого соглашения и амнистии бывшие комбатанты смогли осуществлять все свои права, в том числе участвовать в работе Учредительного собрания, принявшего Конституцию 1991 года, в качестве партии «ДА-М19».

4.5 Авторы не исчерпали внутренние средства правовой защиты в отношении дела, являющегося темой представленного сообщения. Что касается норм, регулировавших уголовное судопроизводство в гражданском суде, то, несмотря на утверждения авторов о невозможности подать гражданский иск в предпроцессуальный период (в ходе предварительного расследования), гражданский истец вполне мог эффективно участвовать в разбирательстве. Согласно Указу № 50 от 1987 года, гражданский истец располагал в рамках процесса различными полномочиями, в частности он мог запрашивать доказательства, предоставлять сведения об имуществе подсудимого и ходатайствовать о наложении на него ареста, а также применять обычные и чрезвычайные средства правовой защиты в отношении вынесенных судебных решений. Кроме того, гражданский истец имел возможность ходатайствовать о признании процесса недействительным или об отводе судей. Следовательно, закон предоставлял значительное пространство для маневра в рамках процесса, которым авторы могли бы воспользоваться, если бы пожелали.

4.6 Авторы представляют Комитету ошибочное толкование Закона № 1448 от 2011 года, в частности пункта 2 статьи 3. Хотя закон предусматривает, что члены незаконных организованных вооруженных групп не считаются жертвами, их супруги или постоянные спутники жизни, тем не менее, могут рассматриваться как непосредственные жертвы в силу причиненного им вреда. В этом смысле, даже принимая во внимание, что родственник авторов на момент своей гибели сражался в рядах М-19, закон не исключает авторов из числа непосредственных жертв. Следовательно, они могли бы получить доступ к различным мерам комплексного возмещения ущерба, предусмотренным в Законе № 1448, на основании оценок, которые должна провести Группа по вопросам помощи и полного возмещения ущерба жертвам для включения их в Единый реестр жертв (ЕРЖ). Кроме того, авторы могут квалифицироваться в качестве жертв в силу утверждений о преследованиях по причине того, что К.Л.К.Д. входила в состав М-19. Тем не менее авторы не ходатайствовали о включении их в ЕРЖ.

4.7 В статье 2 Факультативного протокола содержится упоминание обо «всех имеющихся средствах правовой защиты». Следовательно, в их число входят не только строго судебные средства правовой защиты, но и обязательство исчерпать другие юридические ресурсы. Например, в данном случае авторы могли ходатайствовать о включении их в ЕРЖ. Жертвы, включенные в ЕРЖ, будут иметь право на получение гуманитарной помощи в таких сферах, как здравоохранение, образование, содействие в организации похорон, удостоверение личности, питание и воссоединение семьи, а также получают доступ к другим видам возмещения ущерба. В Законе № 1448 также признается и определяется право жертв на установление истины, отправление правосудия, полное возмещение ущерба и гарантии неповторения в качестве основных столпов механизма правосудия переходного периода.

4.8 Жалобы авторов не были в достаточной степени обоснованы для целей приемлемости. Государство-участник утверждает, что авторы предъявляют серьезные обвинения, которые не подкреплены документацией, приложенной к их сообщению.

Комментарии авторов по замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 17 апреля 2015 года авторы представили ответ на замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения. Они утверждают, что их сообщение отвечает критериям приемлемости, закрепленным в Факультативном протоколе, и повторяют свои заявления относительно требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты и причин, которые не позволили им представить сообщение Комитету раньше.

5.2 Хотя пункт 2 b) статьи 5 Факультативного Протокола предусматривает в качестве условия приемлемости, что «лицо исчерпало все доступные внутренние средства правовой защиты», в случае грубых нарушений прав человека – каковыми являются внесудебные казни, – административные или дисциплинарные ресурсы и санкции, а также административное судопроизводство не могут считаться надлежащими и эффективными средствами правовой защиты в свете статьи 2 Пакта. Аналогичным образом средство правовой защиты не может считаться эффективным, если оно не позволяет жертвам или их семьям подавать иски в рамках процессов судебного характера и принимать в них участие, исключая, таким образом, любую возможность получить возмещение ущерба в этих судах.

5.3 На момент событий иск о прямом возмещении ущерба по внедоговорной ответственности государства, подаваемый в административный суд, был ограничен компенсацией и не включал в себя остальные возможности возмещения ущерба, признаваемые в соответствии с международным правом, такие как реституция, реабилитация, удовлетворение и гарантии неповторения.

5.4 Гражданский суд провел только предварительное расследование, но не дошел до официального открытия уголовного судопроизводства посредством постановления о возбуждении дела. Следовательно, поскольку правовые положения не позволяли подать гражданский иск на этапе предварительного расследования, авторы не имели никакой законной возможности подать гражданский иск в рамках подготовительного этапа судебной процедуры, проводившейся судом № 75. Они также не могли подать гражданский иск в ходе разбирательства в военном суде. Кроме того, военный судебный процесс не проводился независимым, беспристрастным и компетентным трибуналом. Судья первой инстанции – бригадный генерал – был должностным лицом исполнительной власти, а также старшим по званию предполагаемых виновных во внесудебной казни родственника авторов. С другой стороны, военный трибунал не может считаться компетентным судом для рассмотрения дела о грубых нарушениях прав человека.

5.5 Что касается замечаний государства-участника относительно Закона № 1448 от 2011 года, то авторы указывают, что упомянутый закон был принят через 25 лет после гибели их родственника и что, следовательно, на момент событий данное средство правовой защиты в законодательстве отсутствовало; что закон предусматривает определенные возможности возмещения ущерба, однако не предполагает передачу виновных в нарушениях прав человека в руки правосудия; что он однозначно исключает членов незаконных организованных вооруженных групп из сферы своего применения; и что это исключение было подтверждено Министерством юстиции и Конституционным судом при проверке конституционности пункта 2 статьи 3 Закона № 1448. Конституционный суд указал, что члены незаконных организованных вооруженных групп, жертвы нарушений международного гуманитарного права или грубых и очевидных

нарушений норм международного права прав человека для установления истины, отправления правосудия и получения компенсации могут получить доступ только к обычному производству⁶. На момент своей гибели родственник авторов был членом М-19, т.е. согласно колумбийскому законодательству «незаконной организованной вооруженной группы», поэтому авторы – будучи его родственниками – не имеют права на меры возмещения ущерба, предусмотренные этим законом. Кроме того, механизм Закона № 1448 не носит судебного характера и поэтому не является эффективным средством правовой защиты, поскольку не может дать удовлетворения в плане отправления правосудия, установления истины и возмещения ущерба.

5.6 Сообщение не содержит требования о том, чтобы Комитет действовал в качестве «четвертой инстанции». Что касается процесса, проводившегося военным судом по уголовным делам, то информация, приведенная в сообщении, нацелена на то, чтобы Комитет определил, являлось ли судопроизводство эффективным средством правовой защиты, предоставленным независимым, беспристрастным и компетентным судом, имел ли место отказ в правосудии и выполнило ли государство-участник закрепленное в Пакте обязательство провести эффективное, независимое и беспристрастное расследование.

5.7 Что касается замечаний государства-участника о том, что сообщение представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений, то авторы вновь заявляют, что были лишены возможности представить сообщение раньше по причинам, связанным с безопасностью, и не делали этого, чтобы не ставить под угрозу собственную жизнь и личную неприкосновенность. После гибели их родственника были убиты и пропали без вести несколько членов и бывших членов М-19, а также лиц, сочувствовавших их идеям. Данная ситуация продолжалась в течение многих лет после демобилизации М-19, как показывает тот факт, что самим авторам пришлось покинуть государство-участник в 2000–2003 годах. Даже после образования политической партии «ДА-М19» члены М-19 были объектами преследований, убийств и насильственных исчезновений. В качестве иллюстрации авторы прилагают перечень случаев, произошедших в 1990–2002 годах.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 93 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

6.2 Во исполнение пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

6.3 Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет принимает к сведению заявления авторов о том, что они не имели доступа к эффективным средствам правовой защиты. Комитет принимает также к сведению довод государства-участника о том, что авторы не исчерпали все внутренние средства правовой защиты, поскольку процессуальные нормы того времени, регулирующие уголовное судопроизводство в гражданском суде,

⁶ Авторы ссылаются на постановление C-253A/12 от 29 марта 2012 года.

давали им как гражданским истцам широкие возможности участия в разбирательстве, которые авторы не использовали; и что, с другой стороны, авторы не ходатайствовали о включении в Единый реестр жертв для получения доступа к различным видам гуманитарной помощи, содействия и возмещения ущерба, предусмотренным Законом № 1448 от 2011 года в рамках механизма правосудия переходного периода. Тем не менее Комитет отмечает, что государство-участник в своих замечаниях дает лишь общее описание полномочий гражданского истца в рамках уголовного судопроизводства в гражданском суде, не поясняя конкретно, каким образом данные правила были применимы к участию авторов в процессе, проводившемся судом № 75, когда уголовное судопроизводство не было официально начато, а было проведено только предварительное расследование. Более того, несмотря на время, истекшее с момента произошедших событий, никакое уголовное расследование не позволило прояснить обстоятельства гибели их родственника и наказать виновных. Комитет напоминает о своей правовой практике, в соответствии с которой в случаях серьезных нарушений требуются средства судебной защиты⁷. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что пункт 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует рассмотрению им представленного сообщения.

6.4 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что сообщение представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений по смыслу статьи 3 Факультативного протокола, поскольку по крайней мере с 1989 года не существовало никаких препятствий, которые помешали бы авторам представить свое сообщение Комитету раньше; и что даже если было невозможно представить сообщение после этой даты, К.Л.К.Д. вернулась в государство-участник в 2011 году, однако представила сообщение только 8 ноября 2013 года. Комитет принимает также к сведению заявления авторов о том, что в действительности они были лишены возможности представить свое сообщение Комитету раньше по причинам, связанным с безопасностью, так как даже после того, как они вновь обосновались в государстве-участнике в 1989 году, на протяжении 1990-х годов продолжалось преследование лиц, связанных с М-19 или имеющих к нему отношение, причем многие из них становились жертвами убийств и насильственных исчезновений; поэтому они имели основания опасаться, что любой иск против государства-участника, поданный в международные органы, может подвергнуть их серьезной опасности; и что фактически в 2000–2003 годах они были вынуждены вновь выехать из государства-участника и искать убежища в других странах.

6.5 Комитет напоминает, что, хотя никаких конкретных сроков для представления сообщений в соответствии с Факультативным протоколом не предусмотрено, однако в соответствии с подпунктом с) правила 96 его правил процедуры «злоупотребление правом на представление сообщений, в принципе, не является основанием для принятия решения о неприемлемости *ratione temporis* по сообщениям задержки с представлением. Вместе с тем сообщение может являться злоупотреблением правом на представление сообщений, когда оно представлено через пять лет после исчерпания внутренних средств правовой защиты автором сообщения или, в соответствующих случаях, через три года после завершения другой процедуры международного разбирательства или урегулирования, если только не существует причин, оправдывающих задержку с учетом

⁷ См. сообщения № 2051/2011, *Баснет и Баснет против Непала*, Сообщения приняты 29 октября 2014 года, пункт 7.4; № 2111/2011, *Трипати против Непала*, Сообщения приняты 29 октября 2014 года, пункт 6.3; и № 1761/2008, *Гири против Непала*, Сообщения приняты 24 марта 2011 года, пункт 6.3.

всех обстоятельств сообщения»⁸. Комитет напоминает также о своей судебной практике, согласно которой злоупотребление правом на представление сообщений имеет место, когда сообщение представляется по истечении исключительно продолжительного периода времени после соответствующих событий без достаточного обоснования⁹.

6.6 В данном случае Комитет отмечает, что судебное разбирательство, связанное с гибелью родственника авторов, проходило в 1986–1987 годах и что, поскольку другие средства правовой защиты отсутствовали, дело могло бы быть представлено Комитету сразу после него, т.е. приблизительно 30 лет назад. Государство-участник в целом утверждает, что исключительные обстоятельства, которые могли помешать авторам представить свое сообщение Комитету, закончились около 1989 года, когда они вновь поселились в государство-участнике; и что после подписания мирного соглашения между правительством и М-19 его бывшие комбатанты могли осуществлять все свои права, в том числе участвовать в работе политической жизни в качестве партии «ДА-М19». Тем не менее Комитет отмечает, что авторы проиллюстрировали свои заявления о преследовании конкретными случаями убийства или исчезновения в 1990–2002 годах членов М-19 или связанных с ним лиц, в частности гибели в 1998 году Х.Е.У.М., который был их законным представителем и адвокатом их родственника; и что государство-участник не привело конкретных возражений против этих заявлений. Более того, в 2000–2003 годах авторы вновь покинули государство-участник с целью проживания в других странах в качестве беженцев или под международной защитой. Вместе с тем Комитет отмечает, что авторы не дали убедительных пояснений мотивов, которые мешали им представить сообщение Комитету после 2004 года, даже если они находились за пределами страны. Невзирая на серьезность темы жалобы авторов, Комитет считает, что в отсутствие упомянутых пояснений и с учетом того, что соответствующие события имели место в 1986 году, задержка с представлением сообщения не была в достаточной степени обоснована и представляет собой злоупотребление правом на представление сообщений. Таким образом, Комитет делает вывод о том, что сообщение является неприемлемым в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола.

7. Следовательно, Комитет постановляет:

- а) признать сообщение неприемлемым согласно статье 3 Факультативного протокола;
- б) препроводить настоящее решение государству-участнику и авторам сообщения.

⁸ Правило, применимое в отношении сообщений, полученных Комитетом после 1 января 2012 года.

⁹ См. сообщения № 1434/2005, *Филласье против Франции*, решение о неприемлемости принято 27 марта 2006 года, пункт 4.3; и № 1849/2008, *М.Б. против Чешской Республики*, решение о неприемлемости принято 29 октября 2012 года, пункт 7.4.